

Куприй Наталья Владимировна

магистрант

Институт истории

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

г. Санкт-Петербург

ГЕНДЕРНЫЙ СОСТАВ УЧАЩИХСЯ ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1918–1924 ГГ. КАК ЗЕРКАЛО СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Аннотация: в статье описывается послереволюционная учебная ситуация в Петроградском университете (1918–1924 гг.), связанная с появлением в составе его учащихся новой категории – студенток. На основе архивных и опубликованных статистических данных, а также источников мемуарного характера прослеживается динамика численности учащихся женщин и мужчин, которую можно назвать кратковременной гендерной асимметрией. В заключении автор делает предположение о возможных причинах столь резких изменений.

Ключевые слова: Петроградский университет, студентки, реформа высшей школы, социальная история, гендерная проблематика.

В 1917 г. в жизни российской высшей школы был решен так называемый «женский вопрос». Лица обоего пола получили равные права на высшее образование, что вызвало приток женщин в вузы, прежде всего в университеты. Так, после вступления в силу декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» в Петроградский университет в 1918/1919 учебном году было вновь принято в осеннем семестре 3165 юношей и 868 девушек, всего 4033 человека [18]. К концу гражданской войны доля студенток в университете составила около 70% [1, с. 48]. Студенческий контингент университета кардинально изменился, «господин студент» императорского университета перестал быть его главным действующим лицом – в

основной своей массе он подлежал мобилизации на фронт. В то же время происходило слияние высшей женской школы с мужской. Последствия этой социальной революции в академической среде до сих пор до конца не осмыслены.

Если разбирать динамику численности студенток и студентов университета по годам и даже полугодиям – насколько позволяют плохо сохранившиеся источники – то можно сделать ряд интересных наблюдений. Осенью 1919 г. в университет пришло более чем в два раза больше женщин, чем мужчин, – 677 и 302 человека соответственно. Реальная академическая активность (известно, что в университете числилась масса «мертвых душ») из 7424 учащихся к середине 1919/1920 учебного года была зафиксирована лишь у 1689 студенток и 1388 студентов [6, с. 121].

В начале 1921 г. количество студенток продолжало преобладать над количеством студентов (52% против 48%). При этом на факультете общественных наук (ФОН) было 60,1% женщин (мужчин – 39,9%), на физико-математическом факультете – обратное соотношение. Если учитывать, что ФОН был наибольшим по численности студентов факультетом (5574 человек, или 55,5% всех учащихся), то именно его студентки составляли значительную долю учащихся женщин в университете [9]. Аббревиатура ФОН в шутку расшифровывалась как «факультет ожидающих невест» [14, с. 75]: и потому, что студенток там было больше, и потому, что их, по воспоминаниям, «казалось много от непривычки» [12, с. 110].

К началу 1922 г. среди учащихся женщин насчитывается около 70% – 7764 человека, а мужчин – 2482 [5, с. 287]. В 1922/1923 учебном году в аудиториях появились первые выпускники и выпускницы рабфака, а также «в большом числе явились студентки. Коридор преобразился» [13, с. 68]. В это время в остальных университетах страны доля женщин была меньше (в 1921/22 учебном году женщины составляли 56,6% учащихся) и начинала снижаться (в 1922/23 учебном году – 52%) [7, с. 54]. Для сравнения: достаточно высоким на протяжении 1917–1925 гг. процент студенток оставался в Казанском университете (64%) [2, с. 20].

Равными по половому критерию были первые наборы рабочего факультета Петроградского университета (с 1919 г.), но со временем рабфаковцев на нем стало больше, чем рабфаковок (53–56% против 43–46%) [11].

Социальный состав учащихся женщин основных факультетов очень напоминал состав дореволюционной высшей женской школы – в основном это были девушки из семей петербургской интеллигенции, в которых высшее образование почиталось как традиция и атрибут общественного престижа [10, с. 192]. По словесной принадлежности они в подавляющем большинстве принадлежали к мещанству, многие – из еврейских семей, и, как правило, незамужние. Рабфаковки представляли более демократичные слои населения, однако характерной чертой рабфака Петроградского университета было то, что на нем по результатам «чисток» 1921–1922 гг. обнаружился наиболее высокий в сравнении с другими вузами процент лиц нефизического труда, причем в основном это были женщины [17]. Таким образом, рабфак Петроградского университета отнюдь не был притягательным для девушек «из народа».

Разруха Гражданской войны сильно нивелировала социальные различия между учащимися, и это отразилось на их облике и поведении. В условиях превращения одежды в опасный маркер социальной принадлежности исчезли даже половые различия в ней. Но студенческая масса, в том числе ее женская половина, отнюдь не была однородной. Встречались как девушки в простеньких платьях и туфлях на веревочной подошве, так и «барышни», одетые хорошо и с большим вкусом. О.М. Фрейденберг вспоминала о себе в 1918–1923 гг.: «Я тоже [как и другие первые университетские женщины] ходила в черном платье из тугого шелка, охватывающего мою стройную тонкую талию. На голове я всегда носила маленькую черную шляпку с веночком из бархатных темно-красных цветов; шляпка подвязывалась на шее черной лентой. Зимой на моих плечах лежал меховой палантин. Молодая и полная внутренней жизни, я радостно входила в новый обаятельный мир» [16, с. 147].

Анализ личных студенческих дел показывает, что многие студентки Петроградского университета в данный период пользовались материальной поддержкой родственников, тогда как финансово независимых девушек среди студенток было меньшинство. Основными способами самостоятельного заработка были служба в советских учреждениях, педагогическая деятельность, случайные подработки (в том числе физический труд). Выход на службу в 1918–1921 гг. почти всегда приводил к перерыву в университетских занятиях. Совмещение службы и учебы удавалось немногим в последующие годы, при этом служба оставлялась ради возможности нормально заниматься [3]. «Журнал для женщин», информируя о последних тенденциях в женском образовании и труде, в 1924 г. сообщал о полном отсутствии шансов на трудоустройство у тех женщин, которые имели только среднее образование, но и предупреждал о невостребованности выпускниц высшей школы, особенно специалистов гуманитарного профиля [8, с. 2].

Учащиеся девушки служили конторщицами, делопроизводителями, статистиками, участвовали в политико-просветительской работе. Многим из них удавалось совмещать служебную и учебную деятельность, но с 1921 г. из-за введения платы за обучение для зачисленных в предыдущие годы [11, с. 221] это становилось труднее. Научные занятия в качестве профессии выбирали немногие. Анализируя цифры статистики, О.А. Валькова пришла к выводу, что женщин, идущих в науку, в первое советское десятилетие стало меньше, чем до революции [4, с. 843–844]. Резкое увеличение численности женщин-студенток в 1918–1919 гг. вскоре пошло на спад, к середине 1920-х в Ленинграде доля студенток среди учащихся уменьшилась до 29,5%, а к 1929/1930 уч. г. – до 26,9% [15, с. 76].

Кратковременный подъем численности студенток Петроградского университета и других вузов в течение первых лет советской власти был симптомом социальной катастрофы. Трудно сказать, было ли уменьшение численности учащихся женщин связано с их недостаточной подготовкой к прослушиванию университетского курса, бытовыми трудностями или иным. Очевидно то, что сначала студенты покинули аудитории в связи с мобилизацией на фронт, а затем на составе учащихся сказались демографические потери в социальных конфликтах

1917–1922 гг. На протяжении 1920-х гг. традиционный баланс сил – точнее, дисбаланс в виде мужского превосходства – восстанавливался. Возможно, что, несмотря на правовое равенство, реально работала именно традиционная модель гендерного поведения в образовательной среде.

Список литературы

1. Аврус, А.И. История российских университетов: Очерки / Московский общественный научный фонд. – М., 2001. – 85 с.
2. Амалиева, Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917–1925 гг.) как исторический источник: Автореф. канд. ист. наук. – Казань, 2006. – 23 с.
3. Анкета для представления на Госснабжение [1922 г.] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 1134. Л. 15.
4. Валькова, О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX века – 30-е годы XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). – М., 2012. – С. 809–848.
5. Высшие учебные заведения Петрограда на 1-ое января 1922 г. // Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. – Пг., 1922. – С. 287.
6. Высшие учебные заведения по данным на 1-е января 1920 года // Материалы по статистике Петрограда. Вып. 1. – Пг., 1920. – С. 121.
7. Высшие учебные заведения: Таблица 14. Средние и относительные величины // Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. – М., 1924. С. 54.
8. Горский, Р. Условия высшего образования женщины // Журнал для женщин. – 1924. – №6. – С. 1–2.
9. Единый университет, 1919–1920 // ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 191. Л. 95, 97.

10. Иванов, А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба / РАН, Ин-т истории. – М.: РОССПЭН, 1999. – 414 с.
11. Кривоноженко, А.Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2014. 262 с.
12. Лихачев, Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. – 517 с.
13. Назаренко, Я.А. Недавнее былое // На штурм науки: Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / ЛГУ; под общ. ред. В.В. Мавродина. – Л., 1971. – С. 65–70.
14. Рабинович, М.Б. Воспоминания долгой жизни. – СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, 1996. – 365 с.
15. Учащиеся женщины ВУЗ'ов // Статистический справочник по Ленинграду. – Л., 1930. – С. 76.
16. Фрейденберг, О.М. Университетские годы / Публ. и комм. Н.В. Брагинской // Человек. – 1991. – №3. – С. 145–156.
17. ЦГА СПб. Ф. 4269. Оп. 2. Д. 6277. Л. 4.
18. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 130. Л. 54, 87.